Дед протяжно потянулся и закряхтел. Десятилетняя Лиза ловила эти утренние звуки, как песню. Она знала: сейчас дед будет спускаться с печи и обязательно уронит копейки, которые с вчера завалялись у него в карманах. Иногда Лизе везло, он терял целый рубль. Но чаще это были монеты в две-три копейки. Звеньк. Одна упала. Звеньк-звеньк. Еще две. Улов так себе, но за неделю выгорала приличная сумма.

Дед был седой, высокий, с большими белыми ровными усами. Для Лизы даже не дед, а целый прадед. Мама говорила, что он выжил из ума. Но девочка внутренне с ней не соглашалась. Выжить из ума – это когда ты злой и на всех кидаешься. А еще не помнишь имен. Такое было с дедом ее приятеля. Ее дед был добрый, хоть и со странностями. В психушку его никто отправлять не собирался.

Пока Лиза собирала по плачущим половицам свои сокровища, дед пошел в кухню. Его невестка Наташа, вдовица, за все годы совместного проживания изучила старческие привычки до мелочей, поэтому всякий раз к моменту пробуждения на столе дымился скромный, всегда одинаковый завтрак: овсяная каша на воде, кусок хлеба и приторно-сладкий чай.

Дед молча сел на свое место, приступил к завтраку. Старик был особой, «культурной» породы, всегда чисто выбрит и подстрижен. Его жена Пелагея на фоне статного супруга казалась старше и глупее, хотя это было далеко не так. Просто ей по природе была известна простая женская мудрость – мужик должен думать, что он божество.

– Сорок дней, – произнес дед, прихлебывая чай с остатком хлеба.
– Вчера… Отмучилась.

Наталья перекрестилась и продолжила хлопотать у печки. Ей всегда казалось, что дед смерть супруги пережил без затруднений, поэтому внутренне на него немного обижалась.

– Слушай, Наталья, а не пошла бы ты за меня?
– Как это «пошла»? Я ж невестка вам.
– Вдовая ж, поди, лет пятнадцать.
– Не пугайте меня, дед.

Старик посидел немного и засобирался на улицу. Лиза запросилась вместе, как обычно, но он не позволил.

– Куда вы так, с самого утра?
– Не твое дело, Наталья.

Невестка занялась делами, развлекала внучку, которая скучала без дедовых игр, к обеду о странном предложении старого рассказала его дочери Любе, сестре мужа, да и забыла. В этот день дед изменил своим привычкам. Борщ на обед так и остался нетронутым, Наталья заволновалась. Вернулся к вечеру, молчал, ужинать отказался. Утром Лиза не дождалась своих монет – не было.

Зато прибежала Люба. Дед привычно жевал овсянку, прикусывал хлебом.

– Ты что творишь, отец?
– Ничего.
– Ничего? Мне пять соседок позвонило – ты ходил свататься к каждой из них. И Наталье предлагал.
– Ну ходил.
– Тебе восемьдесят лет!
– И что?
– Побойся Бога, по маме только сорок дней справляли.
– Да, сорок, я ее оплакал.
– Зачем тебе это?
– Скучно.
– Скучно? Я десять лет как вдова. Думаешь, мне не скучно?
– Ты привыкла.
– Прекрати позорить меня перед соседями!
– Делай то, не делай это. До холеры мне это все? Собирайся, Лиза, пройдемся.

Девочка наспех обула сапожки, натянула латаное пальтишко и помчалась за дедом. В деревне мама не разрешала носить новое, а в город уезжать только послезавтра. Она решила, что дед идет в магазин, где он обычно вел переговоры с местными пьяницами о смысле жизни и бессмыслии алкоголя. Лизе очень нравилось это слово – ал-ко-голь. Будто напев из заграничной песни. Но в этот раз дед прошел мимо удивленных небритых мужичков, даже не помахал им рукой. Лишь обернулся посмотреть, как там правнучка. Лиза пыхтела, почти бежала. Шаг у деда был широким и размашистым, как ее четыре. Обычно он старался идти медленней, когда девочка просила, но в этот раз понимала – не стоит.

Через секунду она догадалась, куда вел ее дед. Они прошли мимо выкрашенной в зеленый церкви с высокими золотыми куполами, приблизились к покошенному деревянному забору, отодвинули засов у старой калитки и оказались внутри – на старом деревенском кладбище. Дед уверенной походкой подошел к свежему холмику, укрытому большими венками, и уселся на лавочку, бережно отодвигаясь, чтобы дать место Лизе. Оба молчали с минуту, пока он не произнес:
– Привет, Пелагея. Пришли мы вот… С Лизой. Если Наташка или Любка что-то скажут про меня, не верь. Они и про тебя трепались всяко, особенно в конце. Но я-то знал, из какого ты теста. Высшего качества. Только ушла раньше меня – недоглядел.

Лиза сидела, слушала. Ей вдруг показалось, что она заблуждалась о том, что значит выжить из ума. У деда, видимо, тоже кукуха поехала, как любила говорить старшая сестра. Бабку Пелагею она знала плохо. Последнее время та все лежала на кровати, ела с ложечки, бабушка Наташа за ней присматривала. Тогда дед и перебрался спать на печку. Лиза помнила, как он шумно ругался с женой и нервно хлопал дверью. Когда сказали, что бабки не стало, девочке показалось, всем стало лучше. Поэтому она совершенно не понимала его слов.

Пошел снег, Лиза поежилась. Дед заметил ее движение, встал, мягко подтолкнул к выходу. Когда вышли за ограду, неожиданно спросил:
– Много денег насобирала?
– Три рубля, – нехотя ответила Лиза, разочарованная тем, что тайна вдруг раскрылась.
– Держи еще, для круглого счета. – Дед достал из кармана несколько монет.

Лиза нехотя их взяла, понимая, что не испытывает никакой радости.
– Вы долго жили с бабкой Пелагей?
– Дольше жизни.
– Ты любил ее?
– Староват я для такого. А ты, мышь малая… Рано такое спрашивать. Как тебя только в твоем городе воспитуют?

На следующее утро дед привычно закряхтел, уронил несколько монет на пол. Но Лиза больше за ними не побежала. Вечером приехала мама, собрали вещи, переночевали, поехали домой на старом дребезжащем автобусе. Дед проводить не вышел, она не сказала «пока».
– Мам, дед любил бабку Пелагею?
– А ты его спрашивала?
– Не ответил…
– Понимаешь, Лиза, когда долго живешь с одним человеком, он становится как часть тебя. Можешь ответить на вопрос, любишь ли ты свою ногу? Или руку? Или этот ненужный шрам на брови, который остался после того, как ты упала? Так и дед. Бабушка стала частью его жизни, и теперь у него пропало нечто очень важное. Наверное, это любовь.

Девочка хотела рассказать, как дед ходил звать замуж бабушку Наташу и других соседок, но не стала. Думала только о том, что если бы пропал шрам на брови, ее бы это не расстроило. Но решила, что и правда ничего не знает о любви. За окном продолжал сыпать вчерашний снег, она вдруг вспомнила, как сидела с дедом на лавке, невольно прижимаясь к его руке, и от этого ей становилось тепло.